

# Оценочность в текстах новостей: композиционно-логические импликации

Андрей Негрышев

Статья посвящена описанию приемов оценки, выступающих на уровне композиционно-логической структуры новостного медиатекста. Проводится краткий обзор гносеологических и коммуникативно-психологических предпосылок оценочности в новостях. Оценочные импликации в композиционной структуре текста раскрываются в терминах логико-синтаксической юнкции, при этом выявляется оценочный потенциал трех ее видов – конъюнкции, субординации и контраюнкции.

Ключевые слова: новостной медиатекст, композиция, оценочность, юнкция.

## Предпосылки оценочности в новостях

В современном массовом, а отчасти и в научном сознании существует стереотипное представление о том, что сообщение новости в СМИ отвечает функции *информирования* и новостной медиатекст по сути своей направлен на *отражение действительности*, а не на ее *оценку* или *интерпретацию*. Такое понимание, однако, выглядит несколько упрощенным, если рассматривать новость в более широком контексте, охватывающем логико-гносеологические, психолингвистические и дискурсивные аспекты, включающие в себя институциональные факторы порождения новостей.

Так, с точки зрения гносеологии понятие *факт* (предмет сообщения новости) имеет два основных измерения: факт как «реальное событие или результат деятельности» (онтологический аспект) и факт как особый тип эмпирического знания (логико-гносеологический аспект), и эти два понятия не тождественны между собой<sup>1</sup>. В лингвистической семантике и прагматике факт описывается через понятие *события* и приобретает вид триады, представленной В.З. Демьянковым следующим образом: «событие как идея» – «собственно событие, или референтное событие» – «текстовое событие»<sup>2</sup>. Данная триада принимается

Негрышев Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка факультета иностранных языков Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; доцент кафедры философии, истории и права Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, negryshev@inbox.ru

за основу и в теории журналистики, где, по Г.В. Лазутиной, различаются «факт как независимый от сознания человека “атом действительности” – факт как отражение в сознании данного “атома действительности” – факт как элемент текста, в котором объективируется выработанная сознанием информация об этом “атоме действительности”»<sup>3</sup>. Из всего этого следует, что сама природа факта не предполагает изоморфизма между реальным событием и «событием текста», но указывает на активную роль субъекта – автора медиасообщения, преобразующего событийную действительность в новостной текст.

Несовпадение факта действительности с представлением о нем в сознании индивида давно изучено в психологии и закреплено в терминах *избирательности* и *интерпретативности восприятия*<sup>4</sup>. События объективны, однако их восприятие и само вычленение из потока действительности зависит от наблюдающего субъекта, для которого они предстают в виде факта: «одно и то же событие выступает в форме различных фактов – в зависимости от того, что мы считаем главным, что трактуем как суть события, а что считаем частностью»<sup>5</sup>. А.А. Леонтьев обращает также внимание на расхождение «образа события» у журналиста и реципиента. Так, дифференцируя понятия факта и события действительности, он отмечает (и это можно отнести в первую очередь к новостному тексту), что «сообщение должно быть построено так, чтобы у реципиента возник образ события, полностью соответствующий образу события, имеющемуся у журналиста. Но это возможно только в идеале <ибо> сам образ события у журналиста может быть неадекватен подлинному событию»<sup>6</sup>. Следовательно, даже при максимально беспристрастном освещении одного и того же события разными репортерами реципиент получает лишь одну из «версий происходящего», полная же его картина может

сложиться лишь на основе сопоставления множества фрагментарных «картинок».

Процитированные работы, равно как и множество других исследований в области современной коммуникативистики (см., например, труды: Д. МакКуэйла, Т.А. ван Дейка, Н. Фэйрклоу, Р. Фаулера, А. Белла, Дж. Доминика, Дж. Хартли и др.) ясно свидетельствуют о признании *оценочности* (интерпретативности, суггестивности, персуазивности) в качестве *неотъемлемого свойства текстов СМИ*, в том числе (и в первую очередь) текстов информационно-новостных жанров, представляющих собой «первичное звено» в системе отношений «действительность – медиакартина мира». Говоря словами Т. ван Дейка, «новостные медиа решают, кто будет публично представлен, что будет сказано о них и особенно *как это будет сказано* [курсив наш. – А.Н.]»<sup>7</sup>. Ответы на вопросы «что и как будет сказано?» затрагивают компетенцию медиалингвистики и предполагают изучение новостного медиатекста в аспекте оценочной семантики.

### **К методологии описания оценочности на уровне композиции текста**

Проблема лингвистического описания оценочной семантики в новостях заключается, на наш взгляд, в выработке такой методологии, которая позволяла бы эксплицитировать механизмы скрытой оценочности, ибо, в отличие от других жанров, интерпретативность новостного текста максимально имплицитна и закладывается во многом на дотекстовом уровне. Сам текст печатных новостей довольно редко содержит оценочные средства лексического, грамматического и графического уровней, типичные для других жанров СМИ, а потому механизмы скрытой оценочности (за недоступностью для лингвиста параметров дотекстового отбора новостей) следует, видимо, искать на уровне текстовой ком-

позиции. Ниже мы попытаемся выявить некоторые способы композиционных импликаций оценки, приняв за основу метод макроструктурного анализа, разрабатываемый нами на материале «первичного» жанра новостей – событийной заметки<sup>8</sup>. В настоящем сообщении ограничимся композиционно-логическими отношениями, которые наряду с композиционно-фактуальными и синтагматическими отношениями предполагают различные варианты оценочных импликаций.

Композиционно-логические отношения образуют структуру логических связей между компонентами «текстового события», которая выстраивается автором (редактором) сообщения в соответствии с его видением «референтного события». Богатая традиция изучения логической семантики, сложившаяся в синтаксисе и лингвистике текста, предлагает множество вариантов научного описания логико-семантических отношений (см., например, работы Н.Д. Арутюновой, В.Г. Адмони, Г.В. Колшанского, В.Г. Гака, Ю.С. Степанова, Е.В. Падучевой, О.И. Москальской, Г.Я. Солганика и др.). Наиболее адекватным нам представляется описание этих отношений в категориях логических констант и лингвистических юнктивов. «В символической (или математической) логике в качестве таких констант обычно используются конъюнкция, дизъюнкция, отрицание, импликация, эквиваленция, кванторы общности и существования и некоторые другие»<sup>9</sup>. В лингвистике им в определенном смысле соответствует понятие синтаксической юнкции, описанное, в частности, О.Л. Каменской: «Различаются следующие виды юнкции: конъюнкция, то есть отношение аддитивности событий; дизъюнкция, то есть выбор одного из событий (объектов); контраюнкция, предполагающая противопоставление двух сосуществующих событий; субординация, когда одно явление поставлено в зависимость от другого. Это

может быть причинная зависимость, временные отношения, возможность и т.д. [курсив наш. – А.Н.]»<sup>10</sup>. На наш взгляд, именно использование разных видов логических отношений (конъюнкции, дизъюнкции, отрицания, импликации) и в определенной мере соответствующих им синтаксических юнктивов (конъюнкции, дизъюнкции, контраюнкции и субординации) позволяет различным образом структурировать одну и ту же фактологическую информацию, по-разному расставляя акценты на различных ее компонентах.

### Оценочный потенциал отдельных видов юнкции

В первом приближении распределение оценочного потенциала юнкции между указанными типами можно представить следующим образом: наименее оценочна конъюнкция, максимально – контраюнкция, промежуточное положение занимает субординация. Что касается дизъюнкции, то как доминантный тип в новостных заметках в нашем материале она не зафиксирована. Минимальная интерпретативность конъюнкции, или аддитивности, связана с тем, что она в наибольшей степени направлена на фиксацию, отражение происходящего, а не на его осмысление. И напротив, контраюнкция максимально интерпретативна в силу того, что отношение противопоставления само по себе предполагает аналитическую обработку информации – ее оценочную интерпретацию.

Примером, иллюстрирующим контраюнктивные отношения, может служить следующий текст:

«Техосмотр все-таки передадут частникам» («Новые Известия». 2010. Февр., 8).

«Минэкономразвития до конца первого квартала 2010 года направит в Правительство РФ законопроект о проведении техосмотра автомобилей частными организациями, сообщил в пятницу директор департамента развития малого и средне-

го предпринимательства Минэкономразвития Андрей Шаров. «Комиссия по безопасности дорожного движения в 2009 году поручила министерству разработать этот законопроект, сейчас он находится на согласовании в ведомствах», – отметил он. По его словам, документ может быть принят уже в этом году. Согласно предложениям МЭР, техосмотр будет проводить не ГИБДД, а аккредитованные частные организации, обладающие необходимым оборудованием и являющиеся членами саморегулируемой организации (СРО). При этом Шаров не уточнил, какое ведомство займется аккредитацией СРО, сообщив лишь, что это будет «уполномоченный орган, который назначит правительство». Предельную стоимость техосмотра будет определять каждый регион самостоятельно. [Предложение о передаче функций техосмотра автомобилей из ГАИ в коммерческие фирмы впервые стало серьезно обсуждаться еще в 2003 году. Позже оно вызвало ряд противоречивых откликов. В частности, противники передачи ТО частным организациям отмечали, что эта функция в большей мере является надзорной, а не технической или коммерческой. Сотрудники ГАИ, по их заверениям, в ходе ТО выявляют криминальные факты, связанные с незаконным оборотом автомобилей, например подложные документы, машины с перебитыми номерами, транспортные средства, находящиеся в розыске]».

Выделенный здесь в квадратные скобки композиционно-фактуальный блок «предыстория», содержит, как видим, контраргумент предлагаемым нововведениям, озвученный не от лица журналиста и не со слов ньюсмейкера, а от имени «противников передачи ТО частным организациям». Данный контраргумент логически противопоставлен мнению представителя Минэкономразвития, объективно «занимающего сторону» законопроекта. Это противопоставление выражено также в заголовке

с помощью модальной частицы *все-таки*, имеющей усилительное значение. Таким образом, *налицо оценочно-аналитическая направленность* данного сообщения, выходящая за пределы только информирования. Иными словами, информация о нововведениях с техосмотром фактически подвергнута в тексте негативной оценке за счет введения фонового композиционного блока «предыстория», семантически противопоставленного основной информации, т.е. находящегося с ней в отношениях контраюнкции.

Последняя необязательно может быть выражена в новостном тексте формальными юнктивами такими, например, как *союзы а, но, однако*. Семантическое противопоставление может формально «маскироваться» на уровне предложения под concessивные, условные, пояснительные отношения, однако на макротекстовом уровне контраюнкция становится очевидной. Приведем для примера следующие сообщения:

- «Бессрочное служение отечеству Махинды Раджапаксе» («Парламентская газета». 2010. Сен., 10).

«Парламент Шри-Ланки принял поправку к 18-й статье конституции, отменяющую ограничение срока исполнения президентом своих обязанностей. До этого времени он был равен шести годам, и продлить его можно было только один раз. Поправка принята абсолютным большинством голосов – “за” проголосовал 161 депутат из 225. [Примечательно, что действующий президент Шри-Ланки Махинда Раджапаксе, который, судя по всему, останется пожизненным главой государства, заявлял ранее, что во время пересмотра конституции нельзя исходить из личных потребностей]».

- «Детсадовские деньги» (АиФ. 2009. № 27).

«Госдума приняла закон о компенсации части платы за содержание детей не только в государственных, но и в частных

садиках. За первого ребенка вернут 20% от стоимости, за второго – 50%, за третьего – 70%. [Вот только высчитывать эту самую стоимость будут по «среднему показателю», который, конечно, окажется гораздо ниже реальной платы за частный садик].

В обоих текстах основу логической макроструктуры составляет контраюнкция: в первом – «отменено конституционное ограничение на срок президентства» vs. «ранее президент заявлял о недопустимости личных мотивов при пересмотре конституции», во втором – «часть платы будет компенсироваться» vs. «ее расчет будет не в пользу частных детсадов». Противительные же отношения на микроуровне оформляются в этих заметках по-разному: в первой они выражены в композиционном блоке «предыстория», вводимого через конструкцию с ясно выраженным субъективно-модальным значением (*примечательно, что...; судя по всему...*); во второй – в пояснительных отношениях между третьим и предыдущими двумя предложениями.

Кроме того, в первом тексте контраюнктивные отношения усилены в заголовке, придающем иронический оттенок якобы «властным амбициям» президента Шри-Ланки, противоречащим его более ранним заявлениям.

Относительно логических отношений субординации, как зависимости одного явления от другого, в новостных жанрах наблюдается следующее. Большая часть ее разновидностей имплицирована в конъюнкцию и контраюнкцию: временные, пространственные, уступительные отношения, цель, условие и др. Самостоятельным статусом в новостях обладают, по-видимому, только причинно-следственные отношения, поэтому наиболее применимо здесь понятие *каузации*, или *каузативной субординации*. Показательны в этом плане сообщения из сферы экономики, что можно проследить на примере следующей заметки.

«Уровень электропотребления в России превысил прошлогодний на 10%» («Независимая газета». 2010. Авг., 18).

«Объем электропотребления в России по состоянию на 10 августа превысил уровень 2009 года почти на 10%, сообщил вчера глава Минэнерго Сергей Шматко на заседании правительственной комиссии по обеспечению безопасности электроснабжения. Уровень электропотребления в стране был самым высоким за последние 15 лет. [По словам министра, отечественная электроэнергетика столкнулась с рядом трудностей сначала из-за аномальных холодов, когда 11 регионов превысили исторический максимум электропотребления, затем из-за жаркой погоды летом. В связи с аномальной жарой были приостановлены плановые ремонты сетевого хозяйства]».

Содержание фонового блока составляет здесь причина события (=состояния дел в сфере энергопотребления). Названная причина не является объективной составляющей основного факта, а выглядит как субъективная версия в ряду других возможных причин. Будучи озвученной министром энергетики, данная версия приобретает в глазах реципиента видимость экспертной (=объективной) оценки. Действительно, с одной стороны, министр в силу своих должностных обязанностей максимально компетентен в оценке сообщаемого факта (роста энергопотребления), но с другой – это же должностное положение делает его максимально заинтересованным в том, чтобы защитить корпоративный имидж своей отрасли от возможных негативных последствий события. Весьма вероятно, что в интерпретации, например, изданий, нелояльных к Минэнерго, причины роста уровня электропотребления будут названы совсем иные, нежели в версии министра.

Таким образом, изложение причины события потенциально несет в себе интерпретативно-оценочную нагрузку, ин-

тенсивность которой, однако, уступает отношениям контраюнкции.

Итак, композиционно-логические отношения как способ семантической организации текстовой макроструктуры содержат в себе оценочные импликации даже при максимальной насыщенности новостного

текста собственно фактологической информацией. Степень оценочности возрастает в последовательности конъюнкция → субординация → контраюнкция, характер же самой оценки определяется содержанием композиционно-фактуальных блоков, включенных в указанные логические отношения.

\* \* \*

- <sup>1</sup> Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998. С. 745.
- <sup>2</sup> Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изд. АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 321.
- <sup>3</sup> Лазутина Г.В. Основы творческой деятельности журналиста: Учебник для студентов вузов. М., 2006. С. 88.
- <sup>4</sup> См. напр.: Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта / Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики / Сб. статей. М., 2001. С. 3-41.
- <sup>5</sup> Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ // Язык средств массовой информации: Учеб. пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. М., 2008. С. 153-154.
- <sup>6</sup> Там же. С. 164.
- <sup>7</sup> Дейк Тён А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. М., 2013. С. 77.
- <sup>8</sup> Негрышев А.А. К макроструктурной типологии текстов новостных жанров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 2011. № 1. С. 228-244.
- <sup>9</sup> Гетманова А.Д. Учебник по логике. М., 1994. С. 24.
- <sup>10</sup> Каменская О.Л. Текст и коммуникация. Учеб. пособие. М., 1990. С. 67.